

Артур Таболов

VIP

роман

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Артур Таболов

VIP

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Таболов А. Б.

VIP / А. Б. Таболов — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Артур Таболов, автор романов "Водяра" и "Кэш", всегда пишет о том, что хорошо знает - о российском бизнесе. Его романы напоминают детективы. Но ему нет нужды встраивать в них детективную составляющую, потому что бизнес в России полон такими крутыми поворотами сюжета, до каких ни один беллетрист не додумается. Чтобы писать такие книги, нужно обладать непростым опытом прожитой жизни. У Артура Таболова такой опыт есть. Еще на заре перестройки он занимался строительным и водочным бизнесом в Северной Осетии, сегодня он владелец многопрофильного холдинга в Москве. Он знает, о чем пишет. Содержит нецензурную брань.

Часть первая
У БЕДЫ ГЛАЗА ЗЕЛЕННЫЕ

I

Даже спустя много времени, вспоминая эту историю, Михаил Юрьевич Панкратов всё никак не мог освободиться от тягостного чувства. Всё было правильно, он действовал правильно, люди, с которыми он работал, действовали правильно, но ощущение какой-то глубокой неправильности, уродливой искривленности жизни не проходило. Будь в этой истории задействованы крутые бизнесмены или даже олигархи, он бы скоро о ней забыл. Но в том-то и дело, что главную роль в этой драме играла женщина, да такая, каких Панкратов никогда не видел. Они существовали где-то там, на обложках глянцевого журналов, умело подретушированные. А эта была без ретуши, живая, с огромными зелеными глазами, с капризным ртом, с волосами, собранными на затылке золотым узлом. Не только молодежь, но и вполне солидные люди застыли столбом при виде её, ошеломленные не красотой, вряд ли её можно было назвать очень красивой, но обаянием необыкновенной, ядерной силы, от которой зашкаливали бы все дозиметры. Каждый видел в ней то, что хотел увидеть. Совершенно недоступным образом, не прилагая никаких усилий, она воплощалась для каждого мужчины в недостижимый идеал из забытого прошлого. Как японский нинзя сразу видит уязвимые точки в человеке, так и для этой женщины духовная анатомия любого мужчины была как раскрытая книга. Она была не из тех, в кого влюбляются. Она была из тех, по кому сходят с ума. И не мужчины выбирали её, она сама выбирала мужчин, легко сходилась с ними и так же легко расставалась. Её мужа и сожители воспринимали разрыв как неизбежность, словно понимая, что такая женщина не может долго принадлежать одному мужчине, но после этого как бы теряли волю к жизни. Её первый муж, потомственный дипломат из старинного аристократического рода, первый секретарь французского посольства в Москве, тихо спивался в ЮАР в бесперспективной должности атташе по культуре. Вторым мужем, московский банкир, как-то нелепо разорился и скрывался от кредиторов в Лондоне. Модный художник, с которым она одно время жила, неожиданно отказался от участия в самых престижных выставках и исчез из художественной тусовки Москвы. Его телефоны не отвечали, на звонки в дверь его мастерской никто не отзывался. Она с сочувствием относилась к их неудачам, но не принимала их близко к сердцу. Это было прошлое, а прошлое не должно мешать настоящему.

Лишь однажды она сделала ошибку, остановив свой выбор на медиамагнате Григории Вознюке, владельце десятка таблоидов, сети кабельных телеканалов и нескольких радиостанций, вещающих в ФМ-диапазоне. В «Форбсе» его состояние оценивалось в полтора миллиарда долларов.

II

В Москве над безликими кварталами Новых Черемушек возвышается восемнадцатитрёхэтажная башня из тусклого бетона с плохо промытыми стеклами. Никакой вывески на ней нет, подъезд охраняет полицейский с автоматом Калашникова, в тамбуре с местными телефонами висит объявление: «Справки о судимости выдаются с 14 до 18 часов». На вахте дежурит прапорщик, вооруженный пистолетом Макарова. У чужих он въедливо проверяет документы, своих пропускает, едва взглянув на удостоверения. Свои все в форме, лейтенанты и старшие лейтенанты, капитаны, реже майоры. Медлительные лифты развозят их по семнадцати этажам башни. На верхний, восемнадцатый этаж поднимаются всё больше штатские, но с заметной военной выправкой. На семнадцати этажах располагается Зональный информационный центр МВД, а последний этаж выделен Российскому национальному бюро Интерпола.

По тому, какие машины съезжались по утрам к башне, можно было судить о благосостоянии сотрудников центра. Всё больше «Лады»-девятки и даже «Жигули»-шестерки, ненювые

иномарки. Никаких «мерседесов» и «лексусов». Что говорило о том, что здешний служивый люд либо не умеет брать взятки, что, как было известно всем, прекрасно умела делать вся полиция, либо не знает, с кого их брать и потому вынужден жить на зарплату. Зато невдалеке, на парковке «Газпрома», выпершего из земли огромным сине-зеленым фаллосом, глаза разбегались от дорогих машин. Тут тебе и «бентли» и «майбахи» и экзотические «мазератти» и «ламборджини».

Старший оперуполномоченный Интерпола капитан Игорь Касаев, сын одного из самых крупных и амбициозных девелоперов Москвы, владельца группы компаний «Мегаполис» Аслана Касаева, ездил на «форд-фокусе» и каждое утро, подъезжая к башне, испытывал чувство неловкости. Очень уж отличался его «форд» от машин сослуживцев. «Форд» подарил ему отец по случаю успешного окончания МГИМО. Он хотел купить сыну «порше-кайен», но тот воспротивился: «Ну представь: генерал-лейтенант, начальник Интерпола, ездит на служебной «Волге», а я буду рассекать на «порше»? И как на меня будут смотреть?» Отец считал, что равняться нужно на богатых и успешных людей, а не на нищевродов, но спорить не стал. Сошлись на «форд-фокусе». Но и эта машина была слишком хороша для центра. Игорь поспешно загонял её на служебную стоянку и уже с легким сердцем шел в башню.

Иногда, поднимаясь на лифте на восемнадцатый этаж, он представлял, что пересекает пласты криминальной российской истории. На нижних этажах хранились архивные документы о преступлениях давних, послереволюционных и довоенных времен, выше – агентурные донесения, следственные и судебные дела послевоенных банд, терроризировавших города, еще выше – громкие «хлопковые», «рыбные» и валютные дела времен застоя, а на самом верху – дела последних десятилетий российской истории, по сравнению с которыми блекли все преступления прошлых лет, даже самые дерзкие. Игорь не знал, в каком порядке и на каких этажах хранятся архивы центра, но ему было интересно думать, что они хранятся именно так, пластами, и лифт возносит его в самую что ни на есть жгучую современность, когда преступность перестала быть внутренним делом каждого государства и способствовала лучше, чем даже ООН, укреплению международного сотрудничества. Эти мысли сообщали ему чувство причастности к мировым проблемам и как бы одухотворяли бюрократическую машину, чем в сути своей являлся Интерпол с Генеральным секретариатом в Лионе и с национальными центральными бюро в ста семидесяти девяти странах мира.

В холле восемнадцатого этажа были вывешены крупные цветные снимки всех руководителей российского Интерпола, как в театральных фойе развешивают портреты отцов-основателей. Их было много. СССР вступил в Международную уголовную полицию еще в 1990 году из соображений политических. При Горбачеве Советский Союз вступал во все, во что можно вступить, чтобы продемонстрировать Западу свою открытость. Открытость продемонстрировали, но что делать дальше, понятия не имели. Признать, что советская милиция сама не способна бороться с преступностью, было как-то неловко, идеологически совестно. Вот так взять и показать всему миру свое исподнее? Открытость открытостью, но не до такой же степени. А до какой? Этого не знал никто. Так поначалу и завис новоявленный Интерпол в состоянии организационной недоношенности. Даже не сразу решили, куда его приткнуть. Сначала пошли по пути Франции, где национальное центральное бюро возглавлял министр внутренних дел. Первым начальником российского НЦБ стал генерал-полковник, первый заместитель министра МВД, его сменил генерал-майор, потом были полковник, генерал-лейтенант, генерал-майор, еще один генерал-майор и еще один полковник. И наконец, как долго колебавшаяся стрелка весов находит свое место, так определился и вес Интерпола в иерархии российского милицейского ведомства, его приравнивали к Главному управлению МВД, а начальником назначили генерал-лейтенанта Сибирцева, одного из руководителей Московского уголовного розыска. К тому времени уже пришло понимание, что Интерпол не горбачевская дурь, а серьезный инструмент, помогающий решать многие российские проблемы – терроризма, организо-

ванной преступности, наркотрафика. Но он должен соответствовать международным стандартам. А вот с этим новому руководителю пришлось поработать. Исполнительская дисциплина хромала во всех российских учреждениях, гражданских и военных. И если где-то с этим можно было мириться, для Интерпола это было недопустимо. Каждый невыполненный запрос, каждое не вовремя переданное сообщение разрывали ячейку в информационной сети, парализовали работу Интерпола, как тромб парализует функционирование участков мозга.

Портрет генерал-лейтенанта Сибирцева замыкал галерею в холле.

Кабинет встретил Игоря привычным гудением вентиляторов, охлаждающих электронные мозги мощных компьютеров, круглосуточно перерабатывающих огромные массивы информации, поступающей со всего мира. Он сунул плащ в шкаф, где в прозрачном целлофановом чехле висела его парадная форма, которую полагалось надевать на торжественные мероприятия, подкатил офисное кресло к монитору. Пора было заняться сортировкой поступивших документов. На служебном жаргоне это называлось «раскрашивать». Документы помечались разными цветами – от красного "Urgent" ("Срочно") до зеленого "Non-urgent" ("Не срочно"). Одновременно проставлялся код криминальной тематики:

- ST – незаконный оборот наркотиков,
- CA – похищенный автотранспорт,
- SA – кражи культурных ценностей и оружия,
- CF – фальшивомонетничество и подделка документов,
- OC – организованная преступность,
- EC – преступления в сфере экономики,
- AG – преступления против личности,
- TE – терроризм,
- PE – запросы о лицах,
- IO – идентификация лиц,
- OA – выполнение оперативно-розыскных действий,
- LX – выдача преступников, экстрадиция,
- FF – прочие преступления.

Но перед тем как запустить информационную ленту, он придвинул телефон и набрал номер, который знал наизусть. Каждое утро набирать этот номер и слышать длинные гудки уже стало для него ритуалом.

Возник этот ритуал вот почему. Недели три назад пришел запрос из следственного управления при Красногорской городской прокуратуре. Следователь Молчанов сообщал, что в ходе расследования уголовного дела номер такой-то им, следователем Молчановым, такого-то числа был сделан запрос в Российское НЦБ Интерпола. Ответ, поступивший из НЦБ, вызывает у следователя Молчанова сомнения в достоверности его содержания. В связи с чем следователь Молчанов просит провести дополнительную проверку запроса и сообщить ему о результатах.

Запрос с указанным номером был зарегистрирован в секретариате НЦБ, была запись и о том, что ответ на запрос отправлен в прокуратуру. Но ни в бумагах, ни в компьютере почему-то не оказалось ни текста запроса, ни текста ответа. Начальник НЦБ генерал-лейтенант Сибирцев, не терпевший ни малейшей небрежности в делах, приказал Игорю Касаеву разобраться с этим запросом.

По документам установили, что исполнение ответа на запрос следователя Молчанова было расписано майору Сергею Старостину, сотруднику отдела криминальной аналитической разведки. Но Сергей уже не работал в Интерполе – уволился месяца четыре назад. Его мобильник не подавал никаких признаков жизни. Было известно, что он жил с родителями, в кадрах

нашли их домашний телефон. По этому номеру каждое утро и звонил Игорь Касаев. И каждое утро телефон отвечал длинными гудками.

Можно было, конечно, попросить Красногорскую прокуратуру повторить запрос или даже позвонить следователю Молчанову. Но это значило признаться, что в Российском НЦБ Интерпола царит полный бардак. А этого как-то не хотелось. И если придется, то лучше с этим не торопиться. Поэтому Игорь продолжал звонить.

Длинные гудки были и на этот раз. На седьмом он повесил трубку. И тут же, как для подстраховки делал всегда, повторил вызов. Длинные гудки – третий, четвертый, пятый. И вдруг ответили – женский голос:

– Вас слушают.

От неожиданности он даже растерялся:

– Это номер такой-то?

Женский голос – какой-то стертый, безжизненный – подтвердил:

– Да, такой.

– Здравствуйте. Как хорошо, что я до вас дозвонился! Могу я поговорить с Сергеем Старостиным?

– Кто его спрашивает?

– Это из Интерпола, его коллега. Моя фамилия Касаев.

– Он был вашим другом?

– Можно сказать и так. У нас были очень хорошие отношения.

– О чем вы хотели с ним говорить?

– К нему возник небольшой вопрос. Не можем найти одну бумагу. Она проходила через него. И я подумал, что Сергей... Алло, вы меня слушаете?

– Да, я вас слушаю, – не сразу ответил женский голос.

– Простите, с кем я разговариваю?

– С его матерью, Ниной Яковлевной.

– Очень приятно, Нина Яковлевна. Извините за беспокойство. Так я могу поговорить с Сергеем?

– Нет.

– Нет? – удивился Игорь. – Почему?

– Потому что Сергей два месяца назад скончался.

Смысл ее слов не сразу дошел до сознания. Игорь только почувствовал, что солнечный день за окном померк, как если бы небо вдруг затянуло тучами.

– То есть как – скончался? – растерянно переспросил он. – Вы хотите сказать, что он...

– Да, он умер.

– Умер?! – поразился Игорь. – Не может быть! Ради Бога, простите, – спохватился он. – Я хотел сказать... Он болел?

– Нет.

– Но... Он же был... молодой... спортсмен!

– Он умер, – повторил женский голос. – Не звоните больше сюда.

– Простите великодушно, я ничего не знал... Только один вопрос: от чего он умер?

В трубке воцарилась тяжелая тишина. И хотя Игорь понимал, что не услышит ничего хуже того, что уже услышал, у него неприятно заныло сердце.

То, что он услышал, было страшным. Игорь почувствовал себя как человек, который вдруг провалился сквозь тонкий лед и вместо яркого зимнего дня оказался в черной глубине, населенной чудовищами.

Она сказала:

– Он застрелился.

III

Уроженец Владикавказа Аслан Касаев перебрался из Северной Осетии в Москву двадцать лет назад, в 1992 году, после кровопролитного осетино-ингушского конфликта. За эти годы он наладил надежные деловые связи с московскими властями, успешно реализовал масштабные строительные проекты, но так и не избавился от легкой кавказской гортанности, которая почти исчезала во время серьезных деловых переговоров и становилась заметной, когда он был среди своих и особенно когда бывал чем-то недоволен. Сохранил он и приверженность моде 90-х годов, носил пиджаки от Гуччи, черные рубашки апаш с расстегнутым воротом и золотой цепью на волосатой груди, любил дорогие машины и дорогие часы. И это ему, как ни странно, шло, придавало молоджавости и даже артистичности его погрузневшей к пятидесяти годам фигуре. Последние годы Аслан вкладывал все свободные средства в строительство небоскреба в офисном центре Москва-сити. Предполагалось, что башня будет самой высокой в центре, 365 метров. Те, кто знал о живом интересе Аслана к истории алан, древних осетин, завоевавших с Александром Македонским полмира, с усмешкой отмечали, что в нём пробудился зов предков. Еще со стародавних времен аланы строили в горах сторожевые башни, оберегавшие их поселения от немирных соседей. Построить такую башню в самом центре Москвы – это могло придти в голову только потомку аланов с их неутраченным стремлением первенствовать во всём – в ремёслах, торговле, в хозяйственных и военных делах.

Аслан Касаев входил в первую сотню самых богатых людей России, своего богатства не выпячивал, но и не скрывал. Центральный офис его холдинга «Мегаполис» на Садовом кольце производил впечатление даже на тех, кто часто бывал в представительствах богатых нефтяных и транснациональных компаний. Многоэтажный, основательной сталинской постройки дом был выпотрошен и полностью перестроен. При входе посетителя встречали двери из пуленепробиваемого стекла, вахта напоминала рецепшен пятизвездочного отеля. За десятком мониторов, связанных с видеокамерами наружного наблюдения, следили трое молодых людей в серой униформе частной охранной фирмы, еще двое дежурили возле рамок металлоискателей. В цоколе разместился итальянский ресторан с шеф-поваром из Неаполя. На стенах ресторана были укреплены огромные аквариумы, в которых плавали сибас, дорада, лангусты. Посетитель показывал официанту на живность, которую хотел бы съесть, её вылавливали и отправляли на кухню. К ресторану примыкал зал с двадцатиметровым бассейном и саунами, боулинг с тремя дорожками, отдельное помещение с всевозможными тренажерами.

Приемная Аслана была на втором этаже. В ней дежурили два офис-менеджера – сухопарая дама лет сорока и вторая, молоденькая, с фигурой фотомодели. Стены приемной украшали картины современных русских и осетинских художников. Выбор диктовался вкусами жены Аслана Лолы, владелицы арт-галереи «Лола-артуа».

Здесь же, на втором этаже, находились личные апартаменты Аслана. Иногда он не заходил в них неделями, но бывало, что жил в них, когда дела не оставляли времени для тяготной езды по Москве до квартиры в Строгино или до дачи в Жуковке. На остальных этажах были кабинеты топ-менеджеров «Мегаполиса», юристов и экономистов.

Панкратов подъехал на Садовое кольцо около двух часов дня, когда в офисе «Мегаполиса» кончился обеденный перерыв и у рамок металлоискателей образовалась небольшая очередь. Охранник сразу заметил чужого: и одет не так, и возраст не тот.

– Вы к кому?

– Мне назначил встречу господин Касаев. Моя фамилия Панкратов.

– Вас ждут.

По его знаку к вахте приблизился молодой человек в темном костюме, доброжелательно предложил:

- Проходите, Михаил Юрьевич. Шеф поручил мне вас встретить.
- А разве мне не нужно в эти, рамки? – спросил Панкратов.
- Вам не нужно. Если у вас есть оружие, лучше оставить его на вахте в сейфе.
- Оружия у меня нет.
- Тогда пойдёмте.

Стремительный лифт с прозрачной кабиной вознёс их куда-то вверх и выпустил в просторном, метров в сто пятьдесят зале с таким количеством зелени, что зал напоминал ботанический сад. Самые разные растения пёрли из кадок и лотков с влажной землей, некоторые цвели, другие просто радовали глаз сочной зеленью. Зал был покрыт тонированным стеклом, приглушавшим яркий солнечный свет и сохранявшем в этом зимнем саду приятный полумрак.

- Панкратов, – доложил кому-то молодой человек.
- Спасибо, свободен, – послышалось в ответ.

Панкратов не сразу увидел того, кто это сказал. В углу зала, на фоне панорамного окна, за которым беззвучно жило Садовое кольцо, стоял письменный стол с черным офисным креслом. Откинувшись к спинке кресла и положив на край стола ноги в остроносых мокасинах, сидел человек лет пятидесяти в черной, расстегнутой до пупа рубашке с золотой цепью на груди. Светлый пиджак в мелкую клетку висел на спинке кресла. Когда молодой человек, сопровождавший Панкратова, исчез, он поднялся, пожал Панкратову руку и сказал с заметным кавказским акцентом:

– Спасибо, что отозвались на мою просьбу о встрече. Располагайтесь, – показал он на белые кожаные кресла возле журнального стола с затейливой инкрустацией. – Выпьете что-нибудь? Виски, коньяк?

- Нет, спасибо, – отказался Панкратов. – Я на машине.
- Тогда кофе. У нас хороший кофе, мне его присылают с Кубы. Сейчас принесут.
- Шикарный у вас офис, – оценил Панкратов. – Надо же, зимний сад. В самом центре Москвы.

– В офисах мы проводим по десять, а то и по двенадцать часов. Половину жизни, больше чем дома. Но дом мы украшаем, а на офис не обращаем внимания. Сидим, как сычи, в пыльных конторах. Однажды я понял, что это неправильно. Я прихожу сюда, когда устаю от людей.

– А я всю жизнь просидел в пыльных конторах, – отозвался Панкратов. – И это простое рассуждение мне даже в голову не приходило. А если бы однажды пришло – что?

Появилась молоденькая секретарша, умело сервировала кофе с крошечными фарфоровыми чашками, спросила:

- Что-нибудь еще?
- Ничего не нужно. Игорь приехал?
- Приехал, ждёт.
- Пусть ждёт, он мне понадобится чуть позже. Это мой сын, – объяснил он Панкратову. –

Насколько я знаю, Михаил Юрьевич, вы служили в КГБ и дослужились до полковника, – продолжил Аслан прерванный разговор. – Это так?

– Служил. В управлении по борьбе с особо опасными хищениями социалистической собственности.

- Почему ушли?
- Так получилось.
- Не жалеете? Ваша контора сейчас в силе.
- Это давно уже не моя контора. Наши пути разошлись двадцать лет назад.
- Как называется ваша должность в Национальной алкогольной ассоциации?
- Советник по безопасности.
- Работы много?
- Я бы не сказал.

– Платят нормально?

– Мне хватает. Аслан, я чувствую, что-то мешает вам перейти к делу. Не для того же вы меня пригласили, чтобы показать зимний сад и угостить кубинским кофе?

– Да, не знаю, с чего начать, – признался Аслан. – Со мной это нечасто бывает.

– Начните с начала.

– О*кей. Вы знаете, что такое Интерпол?

– В общих чертах. Международная уголовная полиция. В российском МВД приравнен к Главному управлению.

– В Интерполе служит мой старший сын, Игорь Касаев. С красным дипломом закончил международно-правовой факультет МГИМО. Английский, французский и немецкий свободно. Это у него от матери. А у меня даже простой английский не идёт, хоть ты что.

– С таким образованием в полицию? – удивился Панкратов. – А почему не в Министерство иностранных дел?

– Я предлагал, не захотел. Интерпол показался интереснее. Я согласился. Парень молодой, всего двадцать шесть лет, пусть попробует. А потом жизнь сама всё подправит. Я, наверное, не очень хороший отец. Чтобы быть хорошим отцом, нужно много свободного времени, а у меня каждый день расписан по минутам. Но я всё же заметил, что с сыном последние дни происходит что-то неладное. Вызвал на разговор. С трудом, он ничего не хотел говорить. И вот что он рассказал. Несколько дней назад он случайно узнал, что застрелился его товарищ по работе. Друг. Года на два старше сына. Сергей Старостин. Говорит вам что-нибудь эта фамилия?

– Нет.

– Сына что поразило? Что об этом в Интерполе никто не знал. Он пошел к начальнику, генерал-лейтенанту Сибирцеву. Жесткий мужик, я с ним пересекался, когда он служил в МУРе. Спросил: почему мы ничего не знаем о самоубийстве Сергея? Сибирцев ответил: а ты знаешь, почему он застрелился? Нет? И я не знаю. И вряд ли когда-нибудь узнаем. А тогда зачем будоражить коллектив? Тем более что Старостин уволился четыре месяца назад. Сибирцев по-своему прав, но сына это взбеленило. Он пообещал себе выяснить, почему его друг застрелился. И это меня тревожит.

– Почему? – спросил Панкратов.

– Начнёт копать. И до чего докопается? Отец Сергея – очень непростая фигура. Помните историю с коробкой из-под ксерокса, в которой вынесли из Белого дома полмиллиона долларов? Это было во время президентских выборов 96-го года.

– Как не помнить, – усмехнулся Панкратов. – Она стала фольклором.

– Тогда Ельцин отправил в отставку начальника своей охраны Коржакова и директора ФСБ. Заодно и генерала Старостина, он был заместителем Коржакова. Не знаю, по делу или попал под раздачу. Коржаков еще пытался дергаться, был депутатом Госдумы, а Старостин стал лютым ненавистником президента Ельцина, вступил в КПРФ, активно работал в какой-то их антикоррупционной комиссии. Последние годы о нём ничего не слышно, но кто знает, что варится на той кухне?

– Вы думаете, что самоубийство Сергея Старостина связано с деятельностью его отца?

– Я этого не исключаю. А влезать в такие дела, сами понимаете, себе дороже. Это и заставило меня обратиться к вам. Мне рекомендовали вас как человека, который умеет работать.

– В чём вы видите мою задачу? – не понял Панкратов. – Отговорить вашего сына от расследования?

– Не получится. Он завёлся. И это благородное дело – выяснить, почему застрелился твой друг. Благородное мужское дело. Нет, ваша задача – подстраховать его, если увидите, что он полез не туда. Вы человек опытный, сразу это поймёте. Что-то подсказать, дать совет. В расходах себя не ограничивайте. Это тот случай, когда деньги не имеют значения.

– Современная молодежь не очень-то склонна прислушиваться к советам старших, – заметил Панкратов.

– Это мы уладим. – Аслан подошел к письменному столу и нажал клавишу селекторной связи. – Скажите Игорю, пусть поднимется ко мне.

Через несколько минут лифт впустил в зимний сад молодого человека в приличном, как у банковского клерка, костюме, с лицом, в котором чувствовалось неуловимое сходство с отцом. Только у сына была густая черная шевелюра, а у Аслана волосы заметно поредели и были тронуты сединой. Создавалось впечатление, что скромный молодой администратор вызван к лидеру знаменитой рок-группы, золотые времена которой давно прошли, но она всё еще на плаву.

– Познакомься, Игорь, – предложил Аслан. – Это Михаил Юрьевич Панкратов, полковник ФСБ в отставке. Я думал о нашем разговоре. Мне нравится твоё решение разобраться в причинах смерти друга. Но мне было бы спокойнее, если бы твоё расследование курировал человек, у которого побольше опыта, чем у тебя. Михаил Юрьевич согласился тебе помочь.

На молодом лице Игоря вспыхнул румянец.

– Мне не нужны кураторы и советчики, – резко ответил он. – Это моё дело, я справлюсь с ним сам. Спасибо, отец, за понимание, но если это всё, что ты хотел мне сказать, я, пожалуй, пойду.

– Не задерживаю, – сухо отреагировал Аслан.

Прозрачная кабина лифта унесла Касаева-младшего из зимнего сада.

– А что я вам говорил? – спросил Панкратов. – Мне жаль, Аслан, что вы потратили столько времени впустую.

– Характер! – со вздохом согласился Аслан. – Не впустую, Михаил Юрьевич. Наш контракт остается в силе.

– Вот как? После того, что сказал вам сын?

– Да. Я с ним поговорю. И он со мной согласится. У русских молодежь ни во что не ставит старших. У них нечего им передать. Опыт? Разве что опыт выживания в страшных условиях. Кому он сейчас нужен? Наследство? Какое наследство? Приватизированная двушка, и это в лучшем случае. У нас, осетин, уважение к старшим традиционно. Корни этой традиции в глубине веков. Да, Игорь молодой, несдержанный. Но он осетин и прислушается к отцу. Он вам позвонит.

IV

Игорь Касаев позвонил Панкратову через два дня. Голос его звучал смущенно.

– Извините меня, Михаил Юрьевич, за тот разговор. Отец прав, без советов опытного человека мне не обойтись. Я даже не знаю, с какого конца приступить к делу. Мы не могли бы встретиться и поговорить?

– Давайте встретимся, – согласился Панкратов. – Но чтобы наша встреча была содержательной... Где похоронен Сергей Старостин?

– На Троекуровском кладбище.

– Узнайте номер участка, навестим могилу вашего друга. Это способствует, как-то одушевляет умозрительные схемы. А потом поговорим.

– Сергей для меня не умозрительная схема.

– Не выступайте, Игорь. Я говорю про себя.

Когда Панкратов на своём «фольксвагене» подъехал к центральному входу Троекуровского кладбища, Игорь Касаев уже ждал его, прохаживался возле «форд-фокуса» с букетом красных гвоздик. Он был в джинсах и черной байкерской «косухе» с множеством заклепок, в надвинутой на лоб бейсболке.

– Вы со службы? – поинтересовался Панкратов.

– Нет, взял отгулы за ночные дежурства. Почему вы спросили?

– Дресс-код.

– Да, в таком виде у нас на работу не ходят. Еще хорошо, что не заставляют носить форму.

Пойдёмте. В конторе кладбища мне нарисовали, как найти участок.

День был будний, главная аллея почти безлюдна, редкие посетители обихаживали могилы близких, запущенные за зиму.

– Просветите меня, – попросил Панкратов. – Чем, собственно, занимается Интерпол? Как я понимаю, в штате у вас Джеймс Бондов нет?

– Кого нет, того нет, – с усмешкой подтвердил Игорь. – Мы скорее чиновники. Если совсем просто: участвуем в координации действий Международной уголовной полиции. Мы не ловим преступников, это не наша задача. Мы их вычисляем. Аналитическая криминальная разведка. Этим и занимался Сергей. Ну, и доставляем тех, кого поймали, на родину, когда есть решение об экстрадиции. Но это так, рутина.

– Есть у Интерпола какие-то права, которых нет у обычной полиции?

– Да как вам сказать. Мы можем вмешаться в любое уголовное дело, независимо от того, в какой оно стадии. Можем вести допросы обвиняемых без согласия следователей, при необходимости встречаться с ними в СИЗО без санкции следствия и прокуратуры. Вот вроде и всё.

– Вам нравится служба?

– Нравилась. До недавнего времени. Особенно нравилось, что на нас никак не влияет политика, мы не пересекаемся.

– Расскажите о Сергее, – попросил Панкратов. – Вы давно его знаете?

– Года четыре. Мы почти одновременно пришли в Интерпол. Он закончил юридический факультет МГУ и заочно Инъяз. Спокойный доброжелательный парень. Немного в себе, не закрытый, но и не нараспашку. Его отец был резко против того, что он пошёл в Интерпол. Его это огорчало, он любил отца, но настоял на своём. Было в нём внутреннее упорство. Я бы даже сказал: упёртость. Он был всего на два года старше меня, но я иногда чувствовал себя перед ним мальчишкой. Он был из тех, кого не очень замечаешь, когда они рядом, но остро чувствуешь, когда они исчезают. Здесь нам нужно свернуть, на эту аллею.

Они еще издали увидели свежую могилу с большим дубовым крестом. Её подправляла какая-то пожилая дама и молодая девушка в тёмной косынке, в каких женщины ходят в церковь, косынка делала её похожей на монашенку. На скамейке дремал грузный старик с властным костистым лицом, но как бы тронутым подступающей изнутри гнилью.

– Добрый день, Нина Яковлевна, – поздоровался Игорь. – Это я вам недавно звонил. Примите наши искренние соболезнования.

– Вы кто? – проснулся старик.

– Я из Интерпола. Мы с Сергеем вместе служили.

– Служили? – загремел старик. – Прислуживали воровской власти, которая довела страну до того, что честному молодому человеку жить в ней нельзя! Убирайтесь! Ему не нужны ваши цветы. Ему от вас уже ничего не нужно!

– Николай Степанович, успокойтесь, – поспешно вмешалась девушка. – Вам нельзя волноваться. Выпейте корвалол.

– Холуи! – продолжал греметь старик. – Подлая власть! Подлые прислужники власти! Разворовали Россию! Отстаньте от меня с вашим корвалолом!

– Не отстанем, – возразила Нина Яковлевна. – Выпей и не капризничай. Пожалуйста, уйдите, – обратилась она к Панкратову. – У него было уже три инфаркта.

– Ушли, ушли, – поспешно заверил её Игорь. – Извините.

Словно истратив на проклятия подлой власти и ее подлых прислужников остатки энергии, Николай Степанович осел на скамейке, послушно осушил склянку с лекарством и снова словно бы задремал.

– Нехорошо получилось, – проговорил Игорь, когда они отошли от могилы, так и не положив на неё цветы. – О чём задумались, Михаил Юрьевич?

– Николаю Степановичу вроде бы не больше семидесяти?

– Около того. Сергей был поздним ребенком.

– Еще дети есть?

– Был старший брат. Служил в спецназе ВДВ, погиб в первую чеченскую войну.

– Уважаю. Заместителю Коржакова отмазать сына от Чечни – нечего делать.

– Не отмазал.

– Поэтому я и говорю: железный мужик. Был. Сейчас от него остались развалины. Аслан говорил вам, что самоубийство Сергея могло быть связано с деятельностью его отца?

– Намекал.

– Очень сомнительно. Кому может мешать этот старый больной человек? Нет, причину нужно искать в другом.

– В чём?

– Пока не знаю.

– У нас пошли разговоры, что у Сергея были какие-то неприятности по работе, и это подтолкнуло его к решению покончить с собой. Но я-то знаю, что никаких неприятностей не было. Он был на хорошем счету, досрочно получил майора. И из-за этого не стреляются.

– Сейчас не стреляются, – согласился Панкратов. – А было время – стрелялись. При Сталине. Когда ожидали ареста и хотели обезопасить своих близких. Чтобы они не стали ЧСИР, членами семьи изменника Родины, и не попали в лагерь.

– От чего стреляются сейчас?

– Это ты у меня спрашиваешь? – удивился Панкратов. Тут же спохватился: – Это ничего, что я на «ты»?

– Нормально.

– От белой горячки чаще вешаются. От наркотической ломки режут вены или выпрыгивают в окно. А от чего стреляются, понятия не имею. Это нам и предстоит выяснить.

Они дождались, когда родители Сергея уйдут с кладбища, положили на могилу цветы и молча постояли возле креста, обнажив головы. На кресте была укреплена овальная фотография Сергея в парадной форме с майорскими погонами. Молодое лицо с правильными чертами, взгляд открытый и словно бы чуть насмешливый, как будто он знал то, чего еще не знали другие. Под фотографией надпись: «Сергей Николаевич Старостин, 1984 – 2012».

– Это я снимал. После того как ему дали майора, – объяснил Игорь. – Обмыли звёздочки, было весело. Казалось, вся жизнь впереди.

– Что-то не то происходит в нашем возлюбленном отечестве, – проговорил Панкратов. – Трагично, когда молодые люди погибают в Афгане или в Чечне. Когда они добровольно уходят из жизни, это означает только одно, какую-то неправильность нашей жизни. Вроде и живём не так плохо, а вот...

Не договорив, он надел шляпу и пошел к выходу. Игорь последовал за ним.

У ворот кладбища к ним подошла девушка, сопровождавшая родителей Сергея. Попросила:

– Не сердитесь на Николая Степановича. Смерть сына его подкосила.

– Вы кто? – спросил Панкратов.

– Я была невестой Сергея. Уже назначили день свадьбы. Не случилось.

– Из-за его смерти?

– Нет, всё расстроилось раньше. С полгода назад. Сергей начал избегать меня, не звонил, на звонки не отвечал. Ничего не объяснял, но я поняла, что у него появилась другая женщина.

– Кто?

– Не знаю. Он не сказал, а я не спрашивала. Спасибо, что пришли навестить Сергея.

С этими словами она повернулась и хотела уйти, но Панкратов её остановил.

– Как вас зовут?

– Лена.

– Вы часто бывали в доме Сергея?

– Сначала часто. Сейчас иногда захожу, поддержать Нину Яковлевну и Николая Степановича. Они очень славные люди, ко мне всегда хорошо относились.

– У Сергея был дома компьютер? – продолжал Панкратов.

– Да, ноутбук.

– Вы не пытались заглянуть в его файлы?

– Однажды пыталась. Но они защищены паролем. Я не сумела его раскрыть. Почему вы об этом спрашиваете?

– Там может быть ответ на то, что с Сергеем произошло.

– Вы хотите, чтобы я принесла вам его ноутбук? – догадалась девушка. – Нет, я не могу. Нет, нет, что вы! Николай Степанович будет резко против.

– Поговорите с Ниной Яковлевной. Мне она показалась здравомыслящим человеком. И ей же важно узнать, почему застрелился её сын.

– Ну, не знаю... Попробую. Как с вами связаться?

Панкратов дал её визитную карточку, она спрятала её и ушла, не оглядываясь.

– Ну вот, теперь можно поговорить, – сказал Панкратов. – Где бы нам устроиться, чтобы никто не мешал?

– Здесь недалеко есть «Старбакс», – припомнил Игорь. – В это время там немного народа.

– По-моему, я знаю, с какого конца нам приступить к делу, – проговорил он, когда они получили свой кофе.

– Интересно, рассказывай, – кивнул Панкратов.

Рассказ не занял много времени. С полгода назад Сергей и еще одна сотрудница вылетали в Рим, чтобы доставить в Россию женщину, арестованную по ордеру Интерпола. Ночной рейс опоздал на час и сел не в Домодедово, а в Шереметьево. Гонять дежурную машину через всю Москву не было смысла, Сергей позвонил Игорю и попросил их встретить. Игорь дождался, когда арестованную сдадут оперативникам, и повез сослуживцев домой. Он обратил внимание, что Сергей был необычно молчалив. На расспросы не отвечал, только возле дома, выходя из машины, убежденно сказал:

– Я не верю, что она преступница. Она не может быть преступницей. Не верю!

Позже Игорь расспросил сотрудницу, как проходила экстрадиция. Арестованный обычно сидит в самолете между интерполовцами в наручниках, прикрытых одеждой, чтобы не вызывать ненужного любопытства пассажиров. Так было и на этот раз. Сергей и арестованная оживленно разговаривали по-французски, читали стихи. Как поняла сотрудница, Верлена.

– У меня тоже большие сомнения, что её обвиняют по делу, – сказала она. – Тут что-то другое. Возможно, политика.

– Я тогда еще подумал: что же это за женщина, которая за четыре с половиной часа полета сумела охмурить не только молодого офицера, но и немолодую и очень опытную сотрудницу Интерпола, – закончил Игорь свой рассказ.

– Кто она? – спросил Панкратов.

– Ирина Керженцева.

– В чём её обвиняли?

– В организации убийства мужа, медиамагната Григория Вознюка.

V

Григорий Вознюк погиб два года назад в автокатастрофе. Его «мерседес» на скорости сто тридцать километров ночью врезался в нож бульдозера, оставленного строителями на обочине Ново-Рижского шоссе. Водитель получил сотрясение мозга, множественные телесные повреждения, но остался жив. Возможно, его спасли ремни безопасности. Вознюк никогда не пристегивался и погиб мгновенно. По факту дорожно-транспортного происшествия со смертельным исходом в Красногорской прокуратуре возбудили уголовное дело, но быстро его закрыли в связи с отсутствием события преступления. Тело погибшего в закрытом гробу доставили самолетом в Иркутск, откуда он был родом, и похоронили на семейном участке. Через полгода с небольшим, которые потребовались для улаживания всех формальностей, молодая вдова Вознюка вступила в права наследия и стала одной из самых богатых бизнес-вумен Москвы.

В своё время роман пятидесятилетнего Григория Вознюка с Ириной Керженцевой, которая была на двадцать пять лет моложе его, вызвал немало пересудов в Москве. Такие истории иногда случались. Серьёзные люди, которых ну никак не упрекнёшь в легкомыслии, вдруг разводились с женами, с которыми прожили не один десяток лет, и женились на молодых женщинах, сумевших что-то разбередить в их душах, заскорузлых от занятий серьёзным бизнесом. И это было не совсем то, что происходит с лейтенантами, дослужившимися до генерала. Жена, которая хороша для молодого офицера, не всегда хороша для генерала. Тут срабатывал какой-то другой механизм.

Григорий Вознюк к началу горбачевской перестройки окончил лесотехнический институт и начинал с кооперативной лесопилки. Потом выхлопотал лицензию на лесозаготовки в верховьях Ангары с сосновыми борами. Сосну продавали китайцам в режиме приграничной торговли. Предприятие оказалось довольно прибыльным, но Вознюк понимал, что это не те деньги, которые могло дать дело. В начале 90-х, набрав кредитов в коммерческих банках, он купил целлюлозно-бумажный комбинат в Карелии, бездействующий из-за взаимных неплатежей и разрушенных хозяйственных связей. Бумагу он отправлял в Москву. В те годы в России был книжный бум, возникли сотни издательств, больших и малых, выходили сотни газет, спрос на бумагу намного превышал предложение. Расплатившись с долгами, Вознюк купил еще два комбината, в Вологодской области и в Твери, практически стал монополистом на этом рынке.

Приобрел он и несколько многотиражных еженедельных изданий, адресованных обывателям, которых не интересует политика, а интересует мода, здоровье, скандалы в мире звёзд шоу-бизнеса, сад и огород, охота и рыболовство, НЛО и всяческая эзотерика. Они хорошо расходились по подписке и в розницу, привлекали рекламодателей. Уже через несколько лет медиахолдинг Вознюка контролировал почти четверть рекламного рынка Москвы. Он первым начал публиковать в своих таблоидах видеоролики, газету уже можно было не только читать, но и смотреть на компьютерах, что подняло популярность изданий.

Массивный, с грубоватым малоподвижным лицом, Григорий Вознюк обладал острым чутьем на всё новое. На него произвели впечатление расчеты аналитиков, предсказывавших, что нынешние тридцать миллионов активных пользователей Интернета в России лет через пять превратятся в сто миллионов. Сто миллионов – это была уже аудитория, соразмерная числу зрителей федерального телевидения. Вознюк начал скупать кабельные телеканалы, имея в виду объединить их, когда придет время, и превратить во всероссийское Интернет-ТВ, которое переведёт на себя многомиллионные рекламные финансовые потоки. Это было неблизкая перспектива, но он умел ждать.

Трудно даже представить, в каких разных мирах жили Григорий Вознюк и Ирина Керженцева. Она была единственной дочерью известного советского дипломата, который вовремя перестроился и стал российским дипломатом. Одно время был представителем России в ООН, послом во Франции. Семья никогда ни в чём не нуждалась. Ирина закончила колледж в Нью-Йорке, училась в институте театра, музыки и кино в Париже. Когда министром иностранных дел стал Примаков, отца Ирины вернули в Москву и назначили первым заместителем Примакова. Говорили, что после назначения Примакова председателем правительства он прочил отца Ирины на своё место. Но в 1999-м году президент Ельцин отправил Примакова в отставку, в МИД пришла другая команда, отца Ирины сначала передвинули на малозначительную должность, а потом выпроводили на пенсию.

Жизнь семьи сразу переменилась, перестали приглашать на приёмы в посольства, выселили из государственной дачи в Архангельском, стало не хватать денег, даже пришлось уволить домработницу. Сбережения быстро кончились, отец Ирины почти ничего не накопил на чёрный день в полной уверенности, что для дипломата его ранга чёрный день никогда не наступит. Ирина даже не сразу поняла, что произошло: всегда были деньги и вдруг их не стало. К тому времени она разошлась со вторым мужем, банкиром, и жила с модным молодым художником, портреты которому за большие деньги заказывали очень известные люди. На всех художественно-артистических тусовках они были в центре внимания. Тем болезненнее она ощущала, приезжая домой, убогость их огромной квартиры в сталинском доме с запахом нищеты, выползавшим из углов, как запах помойки. Она отнесла в ломбард бриллиантовое кольцо и жемчужное ожерелье, подарки банкира, но понимала, что это не выход, нужно как-то перестраивать жизнь.

И тут на её горизонте появился Григорий Вознюк.

Никто не знал, когда и как они познакомились. Возможно, на премьере нашумевшего спектакля или на вернисаже, на которые Вознюк иногда ходил, без особой охоты, скорее – чтобы быть в курсе того, чем живёт художественная элита Москвы. Никто уже не сможет сказать, намеренно ли Ирина обрушила на него дьявольскую радиацию своего обаяния или так получилось само собой. Вознюк был ошеломлен. Он понял, что до этого дня не жил, а все годы просидел в тёмной камере, даже не подозревая, что за стенами её идёт совсем другая жизнь – с серебристыми грибными дождями, с ветром, поющим в соснах, с буйным весенним цветением трав, с чистыми, как Ангара, холодными реками. И вот дверь камеры приоткрылась, и эта жизнь ворвалась в неё, победительная в своём полнокровии.

Вознюк был человеком основательной сибирской закваски и все дела делал основательно. Неизвестно, как он завоевывал расположение Ирины. Говорили, что он купил ей студию в Париже на Елисейских полях, нанимал чартер, чтобы слетать с ней на открытие кинофестиваля в Каннах или на карнавал в Венеции. Через некоторое время он объявил жене, с которой прожил тридцать лет и в браке с которой родил двух дочерей, что хочет с ней развестись. Она восприняла это на удивление спокойно, только предупредила:

– Смотри, Григорий, летишь на огонь. Сгоришь.

Но согласие на развод дала. После этого Вознюк зарегистрировал в ЗАГСе брак с Ириной и обвенчался с ней в храме Воскресения Христова в Сокольниках, как бы надеясь, что этот акт свяжет его с Ириной вечными узами.

На меньшее он был не согласен.

На свадьбу он подарил ей контрольный пакет акций одной из своих музыкальных радиостанций и угадал. Ирина возглавила станцию и сразу поняла, что вот это дело ей по душе. Её расположения искали известные певцы и певицы, перед ней заискивали еще не признанные

дарования. Она определяла, какие хиты пустить в эфир и раскручивать, а какие придержать или вовсе отвергнуть. Этим она сразу нажила себе кучу недоброжелателей, но полностью их игнорировала. На всех тусовках она всегда была в центре внимания, и это ей нравилось.

Вечность кончилась через четыре года.

VI

Уголовное дело, возбужденное Красногорской прокуратурой по факту ДТП со смертельным исходом и закрытое в связи с отсутствием признаков преступления, пролежало в архиве около года и было извлечено оттуда следователем Молчановым при необычных обстоятельствах. В следственное управление пришло письмо, подписанное так неразборчиво, что было понятно: автор хочет остаться неузнанным. В письме говорилось, что смерть Вознюка в ночном ДТП кажется трагической случайностью до тех пор, пока не задан вопрос «Qui prodest?» – «Кому выгодно?» Ответ очевиден: молодой жене Вознюка Ирине Керженцевой. Став вдовой, она получила в наследство счета в российских и зарубежных банках и 37 процентов акций медиахолдинга Вознюка с капитализацией не в одну сотню миллионов долларов.

Следователя Молчанова письмо заинтересовало. Он знал, что такие письма обычно пишут люди, чьи интересы ущемлены новым руководством. Он поехал в центральный офис холдинга, который занимал два этажа в старом здании издательского комплекса «Правды». В советские времена там располагались редакции «Комсомольской правды», «Советской России», «Сельской жизни». В отделе кадров ему показали список людей, уволенных после того, как генеральным директором холдинга стала Ирина Керженцева. Молчанов сразу увидел того, кто был ему нужен. Им оказался финансовый директор Ефим Маркович Файнберг, проработавший с Вознюком больше десяти лет. Молчанов не стал вызывать его повесткой в прокуратуру, он созвонился с Файнбергом и встретился с ним на нейтральной территории, на Пушкинской площади возле кинотеатра «Россия». Сначала устроились на одной из свободных скамеек, но в Новопушкинском сквере шел многолюдный митинг «За честные выборы», обрывки выступлений ораторов разносились далеко окрест, поэтому они прошли на Страстной бульвар, где было потише.

Файнберг оказался энергичным жилистым человеком лет шестидесяти. Он не стал отрицать авторства письма. На вопрос Молчанова, почему он уволился, ответил:

– Предложила мадам.

– Почему? Должна же быть какая-то причина.

– Причина была. Мне принадлежало двенадцать процентов акций холдинга. У других топ-менеджеров было у кого пять процентов, у кого семь. Григорий считал правильным материально поощрять сотрудников, поэтому холдинг так успешно работал. Мадам предложила мне продать свой пакет. Я отказался. Зачем? Акции приносили неплохие дивиденды. Другие тоже отказались. Тогда она решила провести дополнительную эмиссию. Холдинг выпускает миллион акций, мадам сама их скупает, и наши доли размываются до одного и меньше процентов. А она получает полный контроль над холдингом. Операция вполне законная, но по сути жульничество. Я резко возражал. Мадам сказала: «Тогда нам придётся расстаться».

– Вы обвинили Ирину Керженцеву в очень серьезном преступлении, но никаких доказательств не привели. Только подозрения. Можете подтвердить их какими-то фактами?

– Кто здесь следователь – вы или я? – парировал Файнберг. – Поинтересуйтесь личностью водителя Вознюка. Некто Павел Лежнёв. Григорий взял его на работу по настоятельной просьбе мадам, я это точно знаю. Он не мог ей ни в чём отказать.

– И что? – не понял Молчанов.

– Лежнёва с мадам связывали какие-то непростые отношения. Возможно, они были любовниками. Но это их личное дело. Интересно другое. Лежнёв гражданин Франции, вы это знали? Из семьи эмигрантов еще первой волны. И вот мадам привозит его в Москву, получает для него разрешение на работу и устраивает водителем к мужу. За год до его гибели. Это не вызывает у вас подозрений?

– Пока нет.

– Хорошо, дам ещё одну наводку. На Кипре зарегистрирована фирма «Ай-ти интернейшнл». За два месяца до катастрофы на Ново-Рижском шоссе радиостанция «Весна», которой в то время руководила мадам, заключила с ней договор на поставку нового оборудования для студии и перевела на её счёт 800 тысяч евро. Причём таких денег на счету станции не было, мадам получила кредит в Альфа-банке под залог своих акций. Под довольно высокий процент. Никакого оборудования не поступило до сих пор. Я предполагал, что у нас об этом найдёт разговор и захватил для вас копию платежки. Вот, возьмите. Не кажется ли вам, что эти 800 тысяч евро – плата вовсе не за мифическое оборудование, а совсем за другое?

– За что? – спросил Молчанов.

– За убийство Григория Вознюка.

– Очень смелое предположение!

– А вы поинтересуйтесь еще раз обстоятельствами автокатастрофы. Возможно, моё предположение не покажется вам слишком смелым.

– Кому принадлежит кипрская фирма?

– Ключевой вопрос, – кивнул Файнберг. – Ответ на него придется искать вам. У меня есть кое-какие предположения, но я не буду ими с вами делиться, чтобы вы не посчитали меня сумасшедшим.

Он еще немного посидел и поднялся.

– Мне больше нечего вам сказать. Я буду счастлив, если мои домыслы окажутся бредом. Очень неприятно жить в мире, населенном ядовитыми гадами. Даже если они принимают обличье прелестных женщин.

Разговор с Файнбергом заставил следователя Молчанова вернуться к архивному делу. Он подготовил официальные запросы в Счетную палату и в комиссию по борьбе с отмыванием денег Министерства финансов с просьбой выяснить, кто является владельцем фирмы «Ай-ти интернейшнл», зарегистрированной на Кипре, и принёс на подпись прокурору. В то время следствие еще не выделили из состава прокуратуры, что произошло позже и сделало Генпрокуратуру и Следственный комитет непримиримыми врагами. Тогда же следователи напрямую подчинялись прокурору и без его санкции не могли ничего предпринимать. Прокурор недовольно поморщился: «Ерундой занимаешься. Будут они искать, разогнался». Но запросы всё-таки подписал. Потом Молчанов перечитал заключения экспертов и долго рассматривал снимки с места аварии. «Мерседес» Вознюка врезался в нож бульдозера точно правой половиной радиатора. Чуть левее, и Вознюк остался бы жив, нож бульдозера выдрал бы правую боковину машины. Чуть правее – никакие ремни безопасности не спасли бы водителя.

Через несколько дней Молчанов взял из архивного дела снимки разбитой машины, сделанные с разных ракурсов на месте происшествия, и поехал с ними в Дмитров на автодром НАМИ. Опытные водители-испытатели в один голос сказали, что специально совершить такой наезд невозможно. Разве что за рулем «мерседеса» был такой ас, каких в России просто нет. Да и в мире единицы, Михаэль Шумахер, Мика Хаккенен и еще, может быть, Жак Вильнев. Это должен быть не меньше, чем пилот международного класса, выступающий на "Формуле-1". И прежде, чем на такое решиться, он должен был изучить место до последнего сантиметра.

В списке свидетелей аварии был отставной подполковник, работавший ночным сторожем дорожной строительной техники. В деле было его описание аварии – то, что он увидел из своей

будки, проснувшись от грохота. Молчанов встретился с ним и попросил вспомнить, не видел ли он «мерседес» черного цвета за день или больше до ДТП. Тот подтвердил: видел, дважды. Оба раза водитель был один, оставлял тачку в стороне, а сам ходил по обочине, осматриваясь и двигаясь так, словно бы считал шаги. Судя по описанию, это был Павел Лежнев.

И еще одно заинтересовало следователя Молчанова. Что заставило Вознюка гнать с такой скоростью по ночной дороге? Ирина Керженцева, допрошенная сразу после ДТП, показала, что в ту ночь она почувствовала себя плохо, вызвала скорую, но та всё не ехала, и она позвонила мужу, вовсе не рассчитывая, что он всё бросит и помчится в их загородный дом в элитном коттеджном посёлке Княжье озеро на Ново-Рижском шоссе. Но на подстанции скорой помощи вызов был не зарегистрирован, а диспетчер заверила Молчанова, что машины они всегда посылают, хотя, бывает, не сразу. Вызовов много, а скорых мало.

Лежнева найти не удалось. Выписавшись после аварии из больницы, он вернулся во Францию. Молчанов запросил Международную федерацию автогонщиков, состоит ли в ней гражданин Франции Павел Лежнев. Оттуда ответили, что такого человека в их списках нет и никогда не было.

Минфин молчал, Счетная палата молчала. Следователь понял, что прокурор прав, будут они реагировать на запросы какой-то городской прокуратуры. Он вернулся к текущим делам – квартирным кражам, угонам машин, бытовому членовредительству, чем каждый день были вынуждены заниматься следователи, работающие на земле. В душе осталось легкое сожаление, что ничем кончилось интересное дело, которое могло дать толчок его карьере. Молчанову было тридцать два года и еще не все иллюзии молодости заглушила проза жизни.

И вдруг, месяца через два, когда он и ждать перестал, пришёл ответ из Минфина: «На ваш запрос сообщаем: фирма «Ай-ти интернейшнл», зарегистрированная в офшорной зоне на Кипре, принадлежит гражданину Франции Полью Леже. За всё время её существования зафиксирована только одна транзакция, на счет фирмы поступило 800 тысяч евро от московской радиостанции «Весна». В настоящее время никакой деятельности не ведёт».

Молчанов не сразу понял: кто такой Поль Леже? Потом догадался: да это же Павел Лежнёв, переделавший своё имя на французский манер. Значит, и в списках Международной федерации автогонщиков он может быть под таким именем? Ответ на повторный запрос подтвердил его предположение. Да, Поль Леже был пилотом «Формулы-1» и выступал за команду «Рено». Первых мест не завоевывал, но считался перспективным молодым гонщиком. Но в 2003-м году, находясь в состоянии алкогольного опьянения, посадил в «феррари» свою любовницу Люсьену Дюруа, которая была на тридцать лет старше его, и устроил гонку на загородном шоссе. Машина принадлежала мадам Дюруа. На одном из поворотов не справился с управлением и врезался в асфальтовый каток. Об этом случае писали многие французские газеты. Пассажирка погибла. Следствие установило, что незадолго до этого мадам Дюруа изменила завещание в пользу Леже, но на суде преступный умысел доказать не удалось. Он был приговорен к лишению свободы на два года и пожизненно дисквалифицирован. Через год его освободили за примерное поведение.

В Международной федерации автогонщиков работали добросовестные люди. К ответу была приложена фотография Лежнёва, сканированная из какой-то газеты. Черные волосы до плеч, щегольские, казавшиеся фатоватыми усы, высокомерное лицо.

Всё сложилось. Молчанов получил постановление прокурора о возобновлении уголовного дело по вновь открывшимся обстоятельствам. Прокурор по-прежнему не одобрял его прыти, но постановление подписал. Он понимал: сказать «нет» молодому следователю легко, но потом поди-ка добейся от него проявления инициативы.

Молчанов вызвал Ирину Керженцеву на допрос в качестве свидетеля. Она не явилась. Вторую повестку тоже проигнорировала. Молчанов послал третью повестку и предупредил, что в случае неявки она может быть доставлена на допрос в принудительном порядке. Она при-

ехала на «бентли» с водителем и охранником, переполошив всех следователей своим видом, на допросе держалась сухо, на многие вопросы отвечала «Не знаю», «Не помню». Она не помнила, когда и при каких обстоятельствах познакомилась с Павлом Лежневым, не знала, как он оказался водителем её мужа. Это была ложь, в консульском отделе МИДа сохранилось её заявление с просьбой дать Лежнёву разрешение на работу в России. Она не знала ни о какой кипрской фирме и никогда не имела с ней никаких дел. Это тоже была ложь, на договоре с фирмой стояла её подпись. Но Молчанов не стал припирать её к стенке. Он завершил допрос, дал ей подписать протокол и взял с неё подписку о невыезде, предупредив, что вызовет её еще.

Новую повестку он послал ей через неделю. Из холдинга позвонили и сообщили, что Ирина Керженцева улетела за границу. Куда – этого в холдинге не знали. Зато знали в пограничной службе. Она вылетела в Париж. Молчанов перевёл её из свидетелей в обвиняемые и подготовил документы для объявления её и Павла Лежнёва в международный розыск.

Ирину арестовала итальянская полиция в Риме. На суде, решавшим вопрос о её экстрадицию в Россию, её адвокат настаивал, что дело политически мотивировано, так как кабельные телеканалы медиахолдинга проводили антиправительственную политику, транслировали в прямом эфире митинги оппозиции на Болотной площади и проспекте Сахарова. Суд не счёл эти доводы основательными, решение об экстрадиции было принято. В Рим вылетел майор Российского национального бюро Интерпола Сергей Старостин.

VII

– Ты говорил, что сотрудники Интерпола имеют право подключаться к уголовным делам на любой стадии и встречаться с обвиняемыми в СИЗО без санкции прокуратуры, – напомнил Панкратов Игорю Касаеву, когда они встретились, чтобы обсудить то небольшое, что за эти дни успели узнать. – Это так?

– Да.

– Разрешение начальника Интерпола нужно?

– Нет.

– Протоколы допросов ведутся?

– Не всегда. Часто это не допросы, а беседы.

– Отчёты о них составляются?

– Очень краткие. Когда подробные не нужны по делу.

– Где сидела Ирина после экстрадиции? – продолжал Панкратов.

– В Лефортово.

– Мог Сергей с ней там встречаться?

– Думаю, да.

– Хорошо бы узнать, сколько раз и о чём они говорили.

– Я думал об этом. У меня есть допуск ко всей нашей базе данных. Я проверил. Нет ни одного упоминания о том, что Сергей с ней встречался. Ни одного отчёта, даже самого короткого.

– О чём это говорит?

– О чём?

– Он не хотел, чтобы об этих встречах кто-нибудь знал. И это наводит на размышления.

Они сидели в двухкомнатной квартире Панкратова на Тверском бульваре. Квартира была небольшая, обставленная не то чтобы скудно, но без изысков, по-холостяцки. Во всяком случае, женской руки в ней не чувствовалось.

– Вы женаты, Михаил Юрьевич? – полюбопытствовал Игорь.

– Больше двадцати лет. Ты хочешь спросить, где жена? Она живёт в другом месте. Так вышло. Однажды мы разошлись, потом сошлись, да так и осталось: она у себя, я у себя. Иногда встречаемся. Она всё таскает меня на выставки и в театры, приобщает к искусству.

– Приобщаетесь?

– Честно сказать, не очень. Чего в юности не заложено, с возрастом не восполнишь.

– Дети у вас есть?

– Дочь. Она уже взрослая, живет с матерью. Недавно родила внука. Так что я уже дед. Давай вернёмся к нашим делам. Мы вряд ли узнаем, о чём говорил Сергей с Ириной в Лефортово. Но сколько раз он с ней встречался, узнать можем. Во всех СИЗО ведут журналы посещений, фиксируют, кто, когда и к кому приходил. Адвокаты, следователи, родственники, когда им разрешают свидания. Было бы очень любопытно взглянуть на такой журнал. Удостоверение Интерпола даёт тебе это право?

– Нет. Разве что будет официальная бумага от начальства.

– Сможешь её получить?

– Вряд ли. Генерал-лейтенант Сибирцев не подпишет. Для него эта тема закрыта.

– Ладно, – подумав, сказал Панкратов. – Этот вопрос я решу. Придётся поднять старые связи. Это будет стоить денег, но Аслан сказал, что в расходах мы себя можем не ограничивать.

– Что нам даст, если мы узнаем, сколько раз Сергей встречался с Ириной в СИЗО?

– Не скажи. Если за четыре с половиной часа полета из Рима она сумела обратить его в свою веру, как ты сказал – охмурить, на этом она не остановилась. Трудно даже представить, что она произвела в его душе.

– Вы думаете, что Сергей в неё влюбился?

– Хуже. Думаю, он потерял голову. Это крайнее проявление помешательства, которое принято называть любовью.

– Помешательства? – озадаченно переспросил Игорь. – Вы считаете любовь помешательством?

– А что же это? Когда человек делает то, что в нормальном состоянии ему бы и в голову не пришло? Когда у него сносит крышу?

– У вас сносило?

– Бог миловал. Но я видел это у других.

Звонок городского телефона прервал их разговор. Панкратов взял трубку:

– Слушаю.

– Михаил Юрьевич, это Лена, – прозвучал в динамике женский голос. – Я поговорила с Ниной Яковлевной. Она разрешила взять ноутбук Сергея и передать вам. Вы произвели на неё впечатление человека, которому можно доверять. Ноутбук сейчас у меня. Как вам его отдать?

– Вы сейчас где?

– Возле метро «Чеховская».

– Выходите к памятнику Пушкину и ждите. Минут через десять подъедет молодой человек на синем «форде». Это друг Сергея, мы с ним были на кладбище. Отдадите ему компьютер.

– Там пароль, я вам говорила.

– С этим мы разберемся.

– Всё понял? – спросил Панкратов, положив трубку. – Не теряй времени, не заставляй девушку ждать.

Игорь выскочил из квартиры, на ходу натягивая байкерскую «косуху», проклепанную, как самолет. Панкратов постоял у окна, посмотрел, как от дома отъехал синий «форд-фокус». Похоже, что-то начало подвигаться в этом странном деле, на которое он подписался неизвестно почему. Боялся выпасть из жизни и раньше времени превратиться в пенсионера, прогуливающего внука? Хотел сохранить ощущение своей востребованности, к которому за многие годы привык, как привыкают к удобной рабочей одежде?

Через неделю у него была выписка из журнала посещений СИЗО «Лефортово». Сотрудник Интерпола майор Старостин встречался с Ириной Керженцевой шесть раз. Начальник СИЗО поинтересовался у него, чем вызвано такое внимание к подследственной, но Старостин уклонился от ответа, сославшись на закрытую служебную информацию.

К этому времени компьютерные умельцы Интерпола раскрыли пароль, которым были защищены файлы в ноутбуке Сергея. Среди его заметок была запись, сделанная за четыре месяца до его смерти:

«Я не понимаю, что со мной происходит. Если это и есть любовь, то я даже понятия не имел, что в действительности означает это слово. И никогда бы этого не узнал, если бы не встретил её. Её обвиняют в убийстве. Она не убийца, она не может быть убийцей, это противоречило бы всем законам природы. Я пообещал ей, что вытащу её из тюрьмы, чего бы мне это ни стоило».

– И он это сделал, – сказал Игорь, внимательно прочитав и еще раз перечитав запись.

– Да, сделал, – согласился Панкратов. – Но между тем временем, когда он это написал, и её выходом из тюрьмы произошло что-то настолько серьезное, что он не смог жить.

VIII

Дело Ирины Керженцевой рассматривал суд присяжных. Оно стало разваливаться с первых же заседаний. Главная причина была в том, что на скамье подсудимых отсутствовал сообщник обвиняемой Павел Лежнёв. Французская полиция, получив ордер Российского НЦБ Интерпола, явилась в отель в пригороде Парижа, где он жил, но застала его номер пустым. Портье объяснил, что месть Леже поспешно уехал за день до появления полицейских. Обнаружить его местонахождение не удалось.

Вызванные в суд свидетели отказались от показаний, данных на следствии. Диспетчер подстанции скорой помощи заявила, что подсудимая действительно вызывала в ту ночь скорую, но она не стала регистрировать вызов, так как машин всё равно не было. Отставник-подполковник, сторож строительной техники на Ново-Рижском шоссе, не подтвердил своих показаний, что он узнал Лежнёва в человеке, который накануне ДТП осматривал место происшествия. Он и видел-то его мельком, а на сходство с Лежнёвым указал по подсказке следователя Молчанова.

Защищал Ирину один из самых опытных и дорогих адвокатов Москвы Илья Иосифович Захаров, владелец юридической фирмы «Захаров и сын», член президиума Московской гильдии адвокатов, лауреат премии имени Плевако. Он едко высмеял утверждение обвинения о том, что авария со смертельным исходом, совершенная Лежнёвым в 2003 году под Парижем, имеет какое-то отношение к гибели Григория Вознюка. Что же касается перевода в 800 тысяч евро кипрской фирме, принадлежащей Лежнёву, который обвинение считает платой за убийство Вознюка, тому есть другое, очень простое объяснение. Его подзащитная, руководившая в то время радиостанцией «Весна», не имела достаточного делового опыта и стала жертвой афериста.

– Всё это дело производит очень странное впечатление, – закончил адвокат. – Если бы я не был абсолютно уверен в отсутствии у следствия и прокуратуры какой-либо заинтересованности, то мог бы предположить, что кто-то пытается этим процессом достичь своих целей, политических или материальных.

Присяжные признали Ирину Керженцеву невиновной по всем пунктам предъявленных ей обвинений. Она была освобождена из-под стражи в зале суда.

На выходе из суда её ждал лимузин. Топ-менеджеры медиахолдинга с букетами роз встретили её появление аплодисментами. Она поискала в толпе Сергея, но не увидела его. Он стоял

в стороне с веточками мимозы. Рядом со следователем Молчановым, тяжело переживавшим свой позор.

– Всё кончилось, Серж, – сказала она, опаяя его нестерпимой зеленью глаз, особенно пронзительной на бледном от многомесячного пребывания в СИЗО лице. – Поехали со мной. Сегодня мы будем вместе.

– Ты устала, тебе нужно отдохнуть, – ответил Сергей. – Мы встретимся потом.

– Потом? – переспросила она. – Когда потом?

– Потом, потом, – неопределенно повторил он.

– Где?

– Я тебя люблю, – сказал он, отдал ей мимозы и повернулся, чтобы уйти.

– Когда мы встретимся? – с недоумением повторила она. – Где?

Он оглянулся и ответил с невеселой улыбкой:

– В аду, любимая.

Свидетелем этого странного разговора был только следователь Молчанов. Позже он пересказал его Панкратову и Игорю Касаеву.

В тот день Сергей рано вернулся домой, разговаривал с матерью и отцом так мягко, как не разговаривал уже давно. Потом сказал, что хочет поехать на дачу и побродить по весеннему лесу. На даче написал прощальную записку и пустил себе пулю в висок из наградного пистолета отца.

IX

Ещё в юности Панкратов понял, что не понимает и боится женщин, особенно красивых. Он считал, что ему повезло, что в ту пору, когда поступками молодых людей руководят будоражащие кровь гормоны, он был слишком занят, чтобы вовлекаться в бесконечные любовные похождения, как многие его сверстники. Трудно давалась учеба на юридическом факультете МГУ, куда он поступил после армии вне конкурса. Школу он оканчивал самую обычную, на Тишинке, не самым уважаемым районе Москвы, и никакими успехами не блистал, за три года в армии вообще забыл, что значит учиться. Пришлось наверстывать, до ночи просиживать над учебниками и конспектами. На летние каникулы он всегда уезжал со студенческими строительными отрядами в Сибирь или в Казахстан, чтобы заработать денег на зиму. Мать, проводница поездов дальнего следования на Казанском направлении, помогала, но ему было неловко брать у неё деньги. Строили зернохранилища и коровники, работали по двенадцать часов без выходных, сил оставалось только на то, чтобы дойти до палатки и рухнуть на раскладушку. Гормоны, конечно, иногда брали своё, но все связи были мимолётными и не имели последствий.

Позже, когда Панкратов уже служил в КГБ, он случайно познакомился с милой молодой женщиной и неожиданно для себя легко сошелся с ней. Возможно, неожиданно и для неё. Она была из семьи потомственных московских интеллигентов, научных сотрудников Института мировой литературы, сама по образованию искусствовед, немного избалованная, немного взбалмошная. Она уже была замужем за поэтом, которому в узком кругу его почитателей прочили большое будущее. Но большое будущее всё не наступало, она устала от богемной жизни и бесконечного выяснения отношений, которыми поэт пытался вызвать в себе мощный творческий импульс. В Панкратове её привлекла надежность и душевная бесхитрость. Отношения между ними сложились ровные, доверительные, без бурных проявлений чувств, не предвещавшие никаких осложнений.

Несколько лет он был уверен, что его жизнь идет по естественному руслу, а отношения с женой вполне укладываются в библейскую формулу «жена да прилепится к мужу». Роди-

лась дочь. Он много работал и заботился, чтобы семья ни в чём не нуждалась. Даже когда в Москве начались перебои с продуктами, выручало знакомство с директорами гастрономов, которое образовалось, когда он расследовал крупные злоупотребления в московской торговле. Но однажды, вернувшись из трудной командировки на Север, он нашёл квартиру пустой, а на столе в кухне записку. Жена писала, что забирает дочь и возвращается к родителям, потому что не может больше жить с угрюмым нелюдем, как в тюрьме.

"С угрюмым нелюдем". Вот так и узнаешь, что думают о тебе близкие люди.

Панкратов был оглушен. Достал из холодильника бутылку водки, выпил ее машинально, не чувствуя вкуса. Тут же, в кухне за столом, заснул, уронив на столешницу свинцовую голову. Наутро с похмелья голова раскалывалась, но уже через день, отоспавшись, ощутил необычный прилив сил. Все, что вчера казалось катастрофой, выглядело не так уж страшно. Ну, ушла жена. Не он первый, не он последний. Если она чувствовала себя с ним, как в тюрьме, все равно бы ушла. Так лучше пусть раньше. А жизнь что же? Жизнь продолжается.

Позже он где-то прочитал, что такой алкогольный удар полностью разгружает подкорку мозга, а энергия, заключенная в водке, переходит в организм. Одно время он даже практиковал этот способ психологической разгрузки. Когда чувствовал, что все дела начинают вызывать непреодолимое отвращение, брал отпуск за свой счет, покупал водки, отключал телефон и выпадал из жизни.

В обычные дни он пил мало, предпочитал коньяк, и первая бутылка шла трудно, с усилием. Потом время исчезало, алкоголь брал свое. День за окном сменялся ночью, ночь днем. Время определялось не часами, а количеством пустых бутылок под столом. В голове шла своя жизнь, не контролируемая сознанием. Всплывали эпизоды из прошлого – по большей части почему-то мелкие, стыдные. Детская трусость, ненаходчивость или неловкость в юности, невольные предательства, несправедливые, нечаянно причиненные близким людям обиды. Странно, но всегда вспоминалось и переживалось остро, болезненно только плохое и никогда поступки благородные, питающие чувство самоуважения, каких в его жизни, как и в жизни любого человека, тоже было немало. Пил до тех пор, пока организм не пресыщался и водка не переставала лезть в горло. Иногда это случалось на пятый день, иногда на седьмой. После этого переходил на кефир, глотал снотворное и начинал мучительное возвращение к жизни. Сначала был не сон, а чередование зыбкого бодрствования и тяжелого забытья. Лишь день на третий алкоголь выходил с обильным горячим потом. И наступал наконец момент, когда внешний мир врывается в сознание ярким многоцветьем дня, шумом города, воробьиными сварами и гуканьем голубей. Панкратов залезал под душ, с удовольствием брился, наводил к квартире порядок. Он был, как медный пятак, очищенный кислотой от окиси и грязи. Да так оно, пожалуй, и было.

После 1991-го года, когда монстр КГБ превратился в Федеральную службу контрразведки, а Управление по борьбе с особо опасными хищениями социалистической собственности скукожилось до размеров отдела экономической безопасности, Панкратова вывели за штат. Не успел он подумать, как жить дальше, как получил неожиданное предложение от московской ассоциации «Росалко». Ему поручили купить в Киеве две цистерны спирта, отогнать их во Владикавказ и там продать. Целью операции было выяснить, как украинский спирт попадает в Осетию и превращается там в осетинскую водку, теснившую на рынке московских производителей. На этом деле Панкратов заработал больше двадцати тысяч долларов, огромную по тем временам сумму. Добавив к ней свои сбережения и взяв кредит, он купил для жены и дочери трехкомнатную квартиру на Таганке. Переезд и хлопоты по обустройству незаметно сблизили их с женой, они снова стали жить вместе, но уже на два дома.

Через несколько лет, когда «Росалко» самоликвидировалась, Панкратов стал советником по безопасности Национальной алкогольной ассоциации, участвовал в подготовке документов, направляемых в правительство и Госдуму, консультировал водкозаводчиков, попавших в

трудное положение из-за неудачных попыток обойти налоговое законодательство. За помощью к нему обращались и бизнесмены, не связанные с водкой. У него была репутация человека, который не обещает лишнего, но то, что обещает, всегда выполняет.

Все преступления, даже самые сложные и запутанные, которыми приходилось заниматься Панкратову, укладывались в несколько стандартных схем. Детали могли быть самыми разными, но главным мотивом всегда было стремление завладеть чужой собственностью, государственной, как в советские времена, или частной, как во времена постсоветские. Дело о самоубийстве молодого офицера Интерпола Сергея Старостина, напрямую связанное с убийством медиамагната Вознюка, никаких аналогов не имело. Не были понятны даже мотивы преступления, если имело место преступление, в чем были уверены следователь Молчанов и Красногорская прокуратура.

Панкратов поехал в Красногорск и целый день просидел в архиве суда, читая протоколы процесса над Ириной Керженцевой, который закончился её оправданием. Его удивила слабость доказательной базы обвинения. Все улики были косвенные, их можно было трактовать и так, и так – и как подготовку к преступлению, и как случайное стечение обстоятельств. Панкратов встретился со следователем Молчановым и поинтересовался, как это прокуратура вышла на суд с таким сырым делом.

– Лажанулись, – признал Молчанов. – Мы были уверены, что удастся заполучить Павла Лежнёва. Французская полиция сообщила, что его адрес установлен и он будет арестован в ближайшие дни. Не успели, он скрылся. Очень похоже, что его кто-то предупредил.

– Кто?

– Понятия не имею. Мобильника у подследственной не было, никакой связи с внешним миром она не имела. Только через адвоката.

– Не мог предупредить адвокат?

– Вряд ли, они в такие дела не лезут, даже за большие деньги. Слишком стрёмно.

– Если бы вы получили Лежнёва, что бы это изменило? Вы уверены, что он дал бы признательные показания? Заказное убийство – это двадцать пять лет или пожизненное заключение.

– Дал бы, куда бы он делся. В наших СИЗО быстро вправляют мозги. Особенно иностранцам. Они там привыкли – демократия, права человека. Посидит полгода в Бутырке – все эти слова забудет. На Западе есть такое понятие – сделка с правосудием. Подсудимый признает себя виновным и получает год-два вместо десятки. В нашем уголовно-процессуальном кодексе такой статьи нет, только идут разговоры, что неплохо бы её ввести. Но есть статья, позволяющая назначить наказание меньше минимального, если подсудимый деятельно раскался и активно сотрудничал со следствием. Получить лет десять вместо пожизненного – есть разница? Это любого заставит задуматься.

– Какое впечатление произвела на вас Ирина Керженцева? – поинтересовался Панкратов.

– Так сразу и не скажешь. Очень необычная женщина. Не красавица в том смысле, как мы обычно понимаем. Но есть в ней что-то такое, даже не знаю, как назвать. При виде ей почему-то приходит мысль, что чем-то главным ты обделен в жизни. Если бы не факты, никогда бы не поверил, что она способна на преступление. Не тот психотип, не тот характер.

– Почему свидетели изменили показания, которые дали на предварительном следствии? – продолжал Панкратов. – Чего-то боялись?

Молчанов неопределенно пожал плечами.

– Чего им бояться? Всё проще. Думаю, им заплатили. Только не спрашивайте кто. Даже думать об этом не хочу.

– И всё-таки, – вернулся Панкратов к прежней теме. – Лежнёва вы не получили. И всё же передали дело в суд. Почему?

– Так вышло. Как-то само собой, по инерции. Все сроки следствия прошли, нужно было или закрывать дело или выходить на суд. Решили рискнуть. И вот, рискнули. Такого позорища я не испытывал никогда в жизни. Надеюсь, что никогда больше не придётся.

– Не зарекайтесь, – усмехнулся Панкратов. – Кстати, какой запрос вы направляли в Интерпол?

– Просил проверить, не проходил ли Лежнёв, он же Леже, по другим криминальным делам. Ответили, что такого в их базе данных нет. Я удивился: как это нет? А ДТП со смертельным исходом под Парижем в 2003-м году? Послал новый запрос, на него вообще не ответили.

– Кто подписал ответ на первый запрос?

– Какой-то майор Старостин.

Х

Судя по содержанию файлов в его компьютере, Сергей Старостин был не очень активным пользователем Интернета. Книжки скачивал в основном серьезные, по философии и современные мемуары, в «Одноклассниках» переписывался с несколькими однокурсниками по МГУ. Некоторые заметки, которые он делал для себя, были на русском языке, но большинство записей на английском, французском и немецком. Ни английского, ни французского Панкратов не знал, а от немецкого, который он много лет учил в школе, а потом сдавал «тысячи» в университете, в памяти осталось всего несколько слов – «ауфвидерзеен», «видерхолен» и подпись под рисунком, на котором был изображен котенок под шляпой: «Мютце, мютце, вохин гейтс ду аляйн?» – «Шляпа, шляпа, куда идёшь ты одна?» Поэтому изучением ноутбука занимался Игорь Касаев с его тремя языками, которыми он свободно владел, а Панкратов решил встретиться со свидетелями, изменившими на суде свои показания.

Подполковник-отставник по фамилии Клямкин, ночной сторож строительной техники на Ново-Рижском шоссе, жил в собственном доме в деревне километрах в пяти от шоссе. По вечерам он садился на велосипед и добирался до своего вагончика-бытовки. По утрам, когда приходили строители, возвращался домой. Дом у него был основательный, двор обнесен крепким забором. И сам он был крепкий, как гриб-боровик, не намного старше пятидесяти лет, с большой лысоватой головой, в армейском камуфляже, сохранившимся, вероятно, со времен службы. Панкратова он встретил с любопытством, с каким люди с небольшим кругом общения встречают незнакомых. Но когда узнал, что того интересует, помрачнел.

– Ваши показания на суде могли быть переломными, – сказал Панкратов. – Если бы вы подтвердили, как на предварительном следствии, что узнали Лежнёва в человеке, которого накануне видели на месте ДТП, приговор, возможно, был бы другим. Не обязательно, но не исключено. Дело прошлое, меня интересует, что было на самом деле. Узнали вы Лежнёва или не узнали?

– Не узнал, – отрезал подполковник. – Ну суде я сказал что было. А на следствии – то, что хотел услышать следователь Молчанов.

– Лежнёва трудно спутать с кем-то другим. Прическа, усы.

– Я его не разглядывал.

– Вы видели его два раза.

– Ну и что? Мало ли людей останавливается на обочине? Передохнуть, отлить. С какой стати мне к ним приглядываться?

– Ещё вопрос. К вам кто-нибудь приезжал перед судом? Может быть, угрожали?

– Угрожали? Чем? Чего мне бояться?

– Предлагали деньги?

– За кого вы меня принимаете? – возмутился подполковник. – Я русский офицер. То, что меня отправили в отставку, хотя я мог еще служить и служить, не отменяет для меня понятия офицерской чести. Русские офицеры не продаются. И вот что я вам, любезный, скажу. Я не знаю, на кого вы работаете и знать не хочу. Я сказал на суде то, что сказал. И не жалею об этом. Адвокат прав: дело заказное. Эта девочка не могла быть организатором убийства мужа. Вряд ли здесь политика, но бизнес точно. Кто-то очень хотел прибрать к рукам медиахолдинг. Про такие истории мы слышим каждый день. Во что превратилась Россия? Многомиллионные афёры, рейдерство. В Советском Союзе такого не было. Много чего было, но такого не было. На этот раз обломилось. И я этому рад. А теперь извините, мне нужно заняться хозяйством.

Так Панкратов и уехал, ничего не узнав. Он был почти уверен, что ничего не даст и встреча с диспетчером подстанции скорой помощи, на суде тоже отказавшейся от своих показаний, данных на следствии, но всё же решил поехать. Хуже не будет. Не даст – значит, не даст. А вдруг даст? По опыту он знал, что нужная информация иногда всплывает совершенно неожиданно.

Подстанция, обслуживавшая поселки по Ново-Рижскому шоссе, в их числе и Княжье озеро, занимала крыло в одном из старых корпусов городской больницы. К нему одна за другой подъезжали машины скорой помощи, хмурые врачи в синей униформе получали направления и уезжали на вызовы. На телефонах в диспетчерской дежурили две женщины в белых халатах, одна молодая, другая постарше, лет сорока. На её бейджике значилось: «Зоя Николаевна Смирнова». Она и была свидетельницей на суде. На звонки отвечала всегда одинаково, не то чтобы раздраженно, но тоном, не располагающим к разговорам:

– Скорая, слушаю... Что с вами?.. Сколько вам лет?.. Диктуйте адрес... Записала. Вышлем бригаду, ждите. Пусть кто-нибудь повесит на калитку газету... Обыкновенную газету, чтобы водителю не искать... Когда ждать? Как только освободится машина...

Дождавшись паузы в телефонных звонках, Панкратов наклонился к ней.

– Зоя Николаевна, мне нужно с вами поговорить. Я не отниму у вас много времени.

Она настороженно оглянулась.

– Вообще-то посторонним здесь находиться нельзя.

Но вид Панкратова её успокоил. Серый плащ, черный свитерок под горло, Немного сонное, но спокойное доброжелательное лицо. Приличный человек.

– Ладно, пойдёмте. – Попросила напарницу: – Возьми мою линию, я недолго.

На крыльце закурила, пожаловалась:

– Сумасшедший дом. И так каждую смену, чаю некогда попить. И хоть бы платили нормально.

– Платят мало? – посочувствовал Панкратов.

– Пятнадцать тысяч. Это что, много? О чём вы хотите говорить?

Накануне Панкратов долго думал, как ему построить разговор со свидетельницей. На прямые вопросы она не ответит, будет повторять то, что говорила на суде, и встреча окажется такой же безрезультатной, как с подполковником Клямкиным. Нужно было что-то придумать, чтобы вызвать её на откровенность. То, что ему удалось придумать, ему самому не понравилось, но ничего лучшего в голову не пришло, Он положил в конверт тридцать тысяч рублей пятитысячными купюрами и сунул конверт в карман, вовсе не уверенный, что реализует свою идею. Что ни говори, а это очень походило на провокацию, а провокаций Панкратов не любил, хотя иногда приходилось к ним прибегать. Но теперь, угадав в Зое Николаевне человека, заматанного жизнью с мужем-неудачником или вообще без мужа, с отбивающимися от рук детьми, с небольшой зарплатой и большими тарифами ЖКХ, понял, что стоит рискнуть. Ошибся – ну, извинится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.